

Владимир Кривоногов

Путь Кочевника

Владимир В. Кривоногов

Путь кочевника

«Автор»

2022

Кривоногов В.

Путь кочевника / В. Кривоногов — «Автор», 2022

Последняя война уничтожила человечество. Остались только руины городов и гигантские провалы, соединяющиеся в бесконечный лабиринт. Выжившие веками исследуют его, пытаются найти из него выход. Большинство людей смирились, они основали поселения на перекрестках лабиринта, но остались верные своей цели странники – племя кочевников, живущих и умирающих в поисках выхода. Один из них – Кан – уже готов был сдаться, оставить поиски, но тут он повстречал девушку, способную вывести всех странников из лабиринта.

© Кривоногов В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир В. Кривоногов

Путь кочевника

Глава 1

Долгий, протяжный вопль разбудил Кана посреди ночи. Кричала женщина. Ее голос переполняло отчаяние, от которого холод пробирал до костей. Кан поднял голову, огляделся во тьме – глаза, как у совы. Лабиринт почти сразу поглотил полный боли и безнадежности крик, но волоски на руках и теле странника продолжали торчать.

Кан замер, прислушался – услышал только свое тяжелое дыхание.

Показалось? Или это отголосок того дня, когда он сам стал странником?

Прощальный крик матери странник не забудет никогда. Этот крик – последнее, что является в минуту смерти.

Кан прикрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнуло солнце, осветив высокие отвесные стены лабиринта, поросшие мхом и редкими веточками. Он еще совсем юнец. Он идет, обливаясь слезами, не разбирая пути, тянет за собой свою ношу. Он прошел первую развилку не глядя, как велят законы странников, чтобы не вернуться назад. Кан ушел тихо, когда только рассвело, а мать спала у костровища. Он еще не догадывался, что ждет его минуту спустя, не мог подумать, насколько тяжело будет слышать ее прощальный крик.

В тот день Кан стал взрослым. Он не повернул назад. Его ноги закаменели, когда он услышал мать. Она кричала так же протяжно, безнадежно. В ее голосе была бездна отчаяния.

Может все-таки показалось?

Кан положил голову на свернутый походный плащ, вздохнул. В эту ночь он больше не уснет.

Он взглянул на небо, по которому медленно ползли души предков. Они слабо горели на бархатном черном сукне. Небо в лабиринте было узким и длинным. В стороне, уже не первый раз за ночь, взошла Тропа Богов – белая, светящаяся ярче Луны лента. Черная земля под ногами и на стенах сделалась серой. На ней стали чётче видны тени кустов.

До чуткого слуха Кана донесся приглушенный хруст. Сухой прошлогодний лист треснул под лапой какого-то зверя.

Странник медленно положил мозолистую ладонь на рукоять ножа. Вытащил его.

В свете Тропы шевельнулась тень, блеснули желтые глаза. Кан услышал тихий, рокочущий, едва различимый рык – зверь отступал, а значит, он уже встречался со странником и не готов был рисковать жизнью снова.

– Спасибо, мама, – прошептал Кан, спустя несколько минут.

Этой ночью он не сомкнул глаз.

Глава 2

Кан собрался в путь, когда потухли первые звезды, а небо начало светлеть.

Он не торопясь упаковал походный скарб, надел проеденные сотнями километров пути кожаные сапоги, накинул плащ (такой же потрепанный и рваный), уложил вещи в передний отсек ноши, поправил бурые, заостеневшие от солнца лямки на плечах и двинулся в путь.

Кан передвигался медленно, но не сбиваясь с ритма. Шаги выбивали пыль из сухой, утреннему прохладной почвы. Небо из серо-голубого превращалось в синее. Его согревали первые лучи солнца.

Жесткие лямки поскрипывали при каждом шаге, тянулись к причудливой низенькой повозке на четырех колесах, которую странники называли ношей. И чем дольше странствовал Кан, тем больше становилась его повозка. Ноша доходила ему до пояса. В нее были аккуратно уложены десятки, если не сотни вещей, найденных в лабиринте. Они придавали конструкции необычный вид, поднимались почти до груди Кана (а он, надо заметить, был далеко не маленьким человеком). Поверх он набросил трухлявый полог, почти истлевший на солнце и заканчивающийся по бокам и сзади неровными лоскутами ткани. Ветер хватался за них, заставлял плясать и выкручиваться, иногда отрывал клочки и уносил в вышину.

Колеса ноши погромыхивали на мелких камнях и неровностях, поклажа вздрагивала и тихо звякала. Когда солнце поднялось выше, стало тепло. Кан остановился, снял походный плащ, свернул его, обвязал вокруг пояса и пошел дальше. Он почти не поднимал глаза, взгляд упирался в две бороздки – колеи, оставленные ношами других странников, прошедших здесь до него. Только когда доносился шум ветра в листве кустарника, росшего на стенах лабиринта, или взлетали стайки птиц, Кан отвлекался, рассеянно смотрел в их сторону и снова опускал взгляд.

Кан родился и вырос в лабиринте – бесконечном каньоне, расходившемся сотнями, тысячами ущелий-рукавов, соединенных друг с другом. Стены лабиринта были высокими, отвесными. Местами они были песчаными и глинистыми, местами – каменистыми, а местами и зелеными от растительности. Они, словно древние наблюдатели, безмолвно следили за странниками, гадали, куда те бредут и зачем. Его мама говорила, что лабиринт покрывает всю Землю без остатка. Она была странницей, но не верила в то, во что верили другие – что из лабиринта есть выход, и однажды, один из странников найдет его, выведет остальных и, наконец, странствия целого народа закончатся.

Ноша вздрогнула особенно сильно, когда Кан, задумавшись, наехал на камень. Лямки больно дернули его назад. Повозка становилась тяжелее день ото дня. Если Кан не раздобудет *легкого воздуха* для нее, его странствие может закончиться намного раньше.

К полудню стены лабиринта изменились. Ущелье сузилось, угрожающе нависло над странником. У земли его будто стесали огромной лопатой, а верхний край напоминал мост, разрушенный посередине. Он бросал тень на дорогу.

Сверху свисали тонкие плети растений, которые Кан задевал головой. Они падали на шею, гладили его загрубевшую кожу, словно путаны, завлекающие очередного любовника. В листве жужжали мухи, жуки и пчелы. Иногда пикировала ласточка или скворец, хватая насекомое и уносясь прочь. Кан не хотел здесь останавливаться, он не любил истончившиеся, нависающие края стен, ему не нравились тянущиеся к нему плети растений, но он устал и хотел есть.

Не снимая лямок, Кан устроился на привал. Достал копченое мясо, воду, мешочек с сушеными листьями малины и смородины, закоптившийся котелок и немного хвороста. Развел огонь, вскипятил воду и приготовил чай.

Кан ел не торопясь. Он вообще не любил суетиться, научился все делать основательно, с расстановкой. Его лицо сделалось задумчивым, время от времени озаряясь тенью улыбки.

Иногда оно становилось настолько неподвижным, что, казалось, покроется трещинами, если он вдруг улыбнется. Но вот губы удлинялись, выцветшие синие глаза шурились, и кожа оказывалась достаточно эластичной, чтобы не растрескаться.

Почти всегда на привалах он вспоминал детство, если не надо было беспокоиться о еде или *воздухе*. Ему нравилось забираться в такие глубины памяти, о которых он раньше и понятия не имел. Кан помнил все: как собрал свою первую ношу, как учился охотиться, находить *легкий воздух*, отличать хорошую воду от плохой. Всему его научила мать. Отца Кан, как и другие странники, не знал. Отец был с его мамой, пока не убедился, что она забеременела. Затем он ушел. Таков был первый закон жизни странников: размножайтесь – каждый новый странник может стать тем, кто выведет всех из лабиринта.

Но сейчас Кан думал не об отце, не о том, кем он был и жив ли он еще. Сейчас ему вспомнился день, когда они с мамой почти дошли до края лабиринта... до его верхнего края. С утра дорога пошла вверх. Они долго взбирались по ней, таща за собой ноши. Стены становились ниже, делались более сыпучими, черными. Наверху показалась трава. Кан жутко испугался. Он чувствовал, как часто дышит мама, но временами она задерживала дыхание, чтобы прислушаться. Ни один странник не видел того, что скрывается там, на вершине. Это было против самой природы странников. В какой-то момент мама Кана остановилась, долго смотрела вперед.

– Кажется, я вижу верхушку, – с надеждой проговорила она. – Давай, Аканто, осталось немножко, и мы пойдем вниз.

Кан облегченно вздохнул, и побрел следом, стараясь не поднимать глаз. Он боялся увидеть то, что прячется на поверхности. Всю дорогу у него тряслись ноги, как никогда в жизни.

Кан отхлебнул теплого чая, потрянул головой. Ему не нравились сегодняшние воспоминания. Может, это место навевало их, а может, ночной кошмар. Поднявшись поутру, Кан был убежден, что крик матери ему приснился. Она и раньше предупреждала его об опасности во сне.

Покончив с чаем, Кан убрал вещи в повозку и пошел дальше.

Лабиринт снова раздался вширь, пошел вниз. Стены его стали ровными, прохладными у самой земли. Ветерок донес щебет птиц и журчание ручья. Кан остановился, прислушался, внимательно осмотрел дорогу и ветки кустов – кажется, чужаков у ручья нет. Он пошел быстрее.

Вода струилась прямо из стены лабиринта, падала на землю и текла вниз, теряясь за поворотом. Ручей был прохладным, искрился в лучах солнца, весело журчал. Кан наклонился, зачерпнул ладонями воду, понюхал и сделал небольшой глоток. Оставшейся влагой он омыл лицо и вспотевшую шею. На руках остались темные следы мокрой пыли.

Кан наполнил бурдюки, что лежали в повозке, задумчиво поскреб щетину. Затем он достал мешочек с пеплом, бросил немного в котелок и залил водой. Развел небольшой костерок и дал воде закипеть. Пока смесь булькала, Кан изредка помешивал ее, а через какое-то время слил в две глиняные бутылочки. Одну, та что была закопченной и с широким горлышком, поставил на огонь, изредка подбрасывая в костер сухой хворост. Время от времени он заглядывал внутрь, и если жидкость испарялась, подливал смесь из второй бутылки. Если бы кто-то увидел Кана в этот момент, точно подумал бы, что тот готовит вкусный ужин, не иначе – ведь он, казалось, получает удовольствие от каждого действия. Движения его были плавными, а лицо умиротворенным. Кан в точности помнил, как ту же процедуру проделывала его мама. Воспоминания эти грели его сердце. Наконец, жидкости в бутылочке с узким горлышком не осталось, а во второй она загустела и сделалась полупрозрачной, словно наваристый бульон.

Кан постучал пустой бутылочкой по полной (как делала его мама), пробормотав:

– Готово.

После вытащил тонкий нож и сел бриться. Ручей приятно охлаждал кожу, а теплая смесь делала ее скользкой. Расправившись со щетиной, Кан еще раз ополоснул лицо, вымыл голову, слил густой отвар в пустую бутылочку и закупорил ее деревянной пробкой. Затем он убрал ее в ношу, к остальным принадлежностям, и продолжил свой путь.

Он шел вдоль ручья, пока тот не исчез в расщелине. Через пару часов показалась развилка. Колеи уходили вправо. Левое ущелье выглядело заброшенным и безжизненным. Кусты здесь росли буйно, а почва под ногами не ведала колес ни одной повозки странников.

А что, если именно эта дорога выведет тебя из лабиринта?

Эта мысль возникала каждый раз, когда приходилось выбирать. Хоть Кан и не верил, что из лабиринта есть выход, при виде развилки внутри что-то взволнованно подскакивало и медленно опадало, словно перышко в безветренную ночь.

Кан знал, какую дорогу он выберет еще до того, как задумался о наличии этого самого выбора.

С минуту он стоял, глядя на заброшенное ущелье, а затем повернул вправо.

Солнце еще не опустилось в неведомые пучины, уступив место тьме, а странник уже искал место для привала. Он слишком устал после бессонной ночи. Лямки натирали сильнее обычного. К вечеру ноша казалась слишком тяжелой, чтобы можно было идти еще. Наконец, Кан остановился, развел костерок из веток, найденных на дороге, поужинал мясом и чаем, и лег спать, не снимая лямок.

Глава 3

Кан шел три дня без остановок на охоту или сбор припасов. Копченое мясо подходило к концу, нужно было добыть еще. А потому почти весь четвертый день он провел на одном месте. Стены лабиринта здесь разошлись далеко в стороны, стали пологими, сыпучими и покрытыми густой растительностью. Дорога расширилась, но колеи от повозок шли строго по центру. Высокие деревья тянулись ветвями, листвой и колючими иголками к небу. Их стволы важно раскачивались на ветру, кроны шумели, шептались и иногда побряхтывали. Вездесущий кустарник здесь выглядел жалким. Он лепился к склонам лабиринта, успевал набраться сил от солнца до обеда, а потом, когда светило перемещалось на запад, уходил в тень деревьев.

В лесу шумел не только ветер. То и дело вспархивали стайки мелких птиц, истошно вопила крупная дичь, скачущая по земле. Время от времени вскрикивала белка, отпугивая невидимых врагов. Лес гудел на рассвете. Жизнь кипела, запасалась энергией на день вперед.

Кан ждал. Он затаился в убежище, спрятался за ношу, прикрытую сосновыми ветками. Еще до восхода он расставил силки. Осталось дожидаться, когда в них забредут бдительные куропатки, почуяв приманку, или величавые косачи. Кан надеялся, что будут и те, и другие.

Лесной гул стихал, делался упорядоченным, понятным человеческому слуху. Из него пропадал сумбур первых рассветных часов.

Кан прислонился спиной к колесу ноши, откинул голову назад. Он не любил охоту, ведь она отнимала время, заставляла сидеть на месте. Он воспринимал ее как неприятную необходимость. Всякий раз на охоте Кан скучал. Час за часом приходилось ждать, напряженно вслушиваясь в тишину, вдруг донесется неуверенная поступь косули или тяжелые шаги лося. Либо, как сейчас, сидеть в убежище в ожидании свиста рассеяемого воздуха и звонкого щелчка – так срабатывала ловушка.

Он мог бы выследить зверя, если бы не ноша. Кан рассеянно погладил ляжку.

Что, если их снять?

Мысль еще не закончила формироваться в его сознании, а по спине уже скатился ледяной вал, заставив выпрямиться и сжать зубы.

– *Ненадолго*, – тут же принялся оправдываться Кан, – *просто, чтобы найти еду, а не ждать, когда она сама найдет тебя.*

Ты же знаешь, что тогда будет.

Кан хорошо это знал.

Много лет назад, когда он только начал странствовать в одиночестве, Кан зашел в длинный и высокий каньон со стенами песочного цвета. Здесь не было ничего. Ни воды, ни еды, ни единого живого существа, по крайней мере такого, которое он бы узнал и готов был съесть. Кан испугался, хотел повернуть назад, но законы странников категорически запрещали возвращаться. Он должен был идти вперед. Всегда только вперед.

И Кан пошел. Но на каждой развилке, какой-бы узкой и нехоженой она не выглядела, он поворачивал в ту сторону, которая, как ему казалось, вела назад, в его привычный мир. На третий день без еды он отчаялся. Кан был молод и полон сил, но даже он не смог бы долго продержаться без пищи.

Завидев впереди жалкую растительность, он бросился туда, таща за собой отяжелевшую ношу. За поворотом Кан спугнул большую, угрюмую птицу. Он мог бы подобраться к ней, если бы не повозка, которую всегда приходилось тянуть за собой. Тогда Кан сделал то, на что ни один странник в здравом уме не отважился бы. Он стянул сначала одну ляжку, затем другую. (Мозолистые уплотнения на плечах от постоянного ношения лямок приятно заныли.) Осторожно положил их у ноши, и покрался туда, где сидела птица. Кан держал в руках лук, но цель была слишком далекой, казалась недостижимой, а он так боялся спугнуть ее грохотом

колес или случайным скрипом поклажи. Кан даже забыл о голоде. Его желудок лишь изредка сводило судорогой, но Кан отмахивался от нее.

Он преодолел не больше пяти шагов, когда нечто невидимое дернуло его за пояс. Кан остановился, ощутил странную пустоту внутри. Ему вдруг почудилось, что за спиной кто-то есть, кто-то огромный и страшный. Он следит за ним, злобно скалясь, заносит когтистую лапу, целит в затылок...

Кан обернулся.

На лбу выступила испарина. Перед ним одиноко стояла повозка с жалкими пожитками еще молодого странника. Она магнитом тянула назад.

В глазах потемнело, стало тяжело дышать. Кан почувствовал, как руки ходят ходуном, а ноги превратились в мягкую глину. Он бросил короткий, жалобный взгляд на птицу вдалеке, и кинулся бегом к своей повозке.

С того дня Кан не снимал лямок, даже когда спал. Хотя бывали и исключения.

Тонкий свист и щелчок спугнули стайку птиц. Они взмыли над деревьями, немного покружили и вернулись на место. Кан неторопливо встал, хотя внутри все кипело от нетерпения, и отправился проверять силки. Там его ждала упитанная куропатка.

Стены лабиринта скоро снова сошлись, сузив дорогу до двадцати шагов. Кан старался нагнать потерянное на охоте и разделке птицы время. Тушка куропатки уже несколько часов мариновалась в соляном растворе, бултыхаясь в глиняном горшке в передней части ноши.

Как и всегда, Кан утащил себе под ноги. Его взгляд был пустым, отрешенным. Однако нечто необычное заставило его вздрогнуть, прийти в себя. Это был отдаленный стон, принесенный порывом ветра. Стонал человек. Кан знал это наверняка.

Он уже месяц не встречал ни одной живой души. Пока он шел в тишине и одиночестве, Кан как-бы и сам переставал быть человеком, сливался с лабиринтом, становился им. Он – словно камешек, нагретый на солнце, перекатывался с места на место, не переставая быть частью дороги. Поначалу Кану нравилось это ощущение, но со временем оно стало угнетать. Ему хотелось видеть людей, знать, что и он еще остается одним из них. И чем дольше Кан был один, тем сильнее ощущал себя покинутым. Только слияние с лабиринтом помогало не сойти с ума, но это слияние доставляло мало удовольствия.

Заслышав далекий стон, Кан напрягся. Рука сама легла на рукоять ножа, хотя это было бессмысленно. Он понимал, что так не может стонать сильный, здоровый мужчина. А значит, кто-то угодил в лапы зверя или еще хуже – в руки дикарей. Если дикари до сих пор там, Кану потребуется вся его сила и расчетливость, чтобы одолеть их. Однако дикарей он не встречал много лет. Иногда ему казалось, что они и вовсе все вымерли. Да и не было на стенах лабиринта характерных для них разнокалиберных выемок, служивших лестницами.

Кан простоял не дольше минуты. Он и не думал залечь в кустах и дожидаться, пока стоны стихнут. Он просчитывал, какие опасности могут таиться за поворотом.

Поправив охотничий нож на ремне, Кан уверенно пошел на звуки.

У стены, в тени густых кустов лежал старик. Лицо его обезобразила невыносимая боль, а руки ходили ходуном, кидаясь к коленям и тут же к горлу или к голове. Ноги старика были скрючены судорогой. Из-под оборванных штанин выглядывали лодыжки, покрытые язвами. Голеностопы ужасно распухли, покрылись бугристыми шишками. Кожа на них сделалась тонкой, белёсой. Лицо старика почти полностью исчезло под седой щетиной, а голова оставалась лысой, загорелой и чуть блестящей. Веки плотно, до глубоких морщин вокруг глаз, были сомкнуты. Старик раскачивался из стороны в сторону, сгибался пополам и разгибался снова. Боль была нестерпимой, но он лишь стонал, сдерживая рвущиеся наружу крики.

Кан оторопело глядел на старика несколько секунд, затем торопливо порылся в припасах, что вез в повозке, достал бутылку с зеленоватой жидкостью и быстрыми шагами подошел к нему. Завидев его, старик отшатнулся, прикрыл голову рукой, но тут же забыл про опасность – новая судорога скрутила ноги.

– Пей, – Кан приставил к губам открытую бутылку, наклонил, и заставил старика сделать большой глоток. – Хорошо. Теперь еще и будет легче.

На мгновение старик замер, ощутив знакомый вкус настоя. Затем жадно припал к бутылке, но Кан вовремя оторвал ее от губ старика.

Постепенно судороги проходили, старик успокаивался. Кан, тем временем, огляделся внимательнее. Чуть дальше стояла ноша – большая, неказистая и громоздкая. Лямки в спешке привязаны к цепким веткам кустов.

Старик был странником.

Он тяжело дышал, тело понемногу расслаблялось. Он блаженно прикрыл глаза, откинул голову, утёр рукой выступивший на лбу пот. Кан знал, от чего страдает старый странник. Он много раз видел распухшие от долгой ходьбы без *легкого воздуха* суставы. Он и сам боялся, что когда-нибудь его ноги откажут, а потому всегда носил при себе настой и лечебную мазь.

– Давно ты здесь?

Голос Кана звучал ровно, но внутри уже шевелился давний страх остаться без ног.

– Всю свою жизнь, – старик лукаво уставился на Кана, словно ждал, когда тот оценит его шутку.

Кан слишком устал, чтобы смеяться. Он только чуть прищурил глаза, изображая тень улыбки, затем уточнил:

– На этом месте.

– Хе, – не то кашлянул, не то усмехнулся старик. – Дня четыре уже лежу. Может больше. Разве это так важно? Главное ведь, что я здесь буду лежать и после твоего ухода. Здесь я останусь, пока не сдохну. Хе, – снова крикнул старик.

Кан задумчиво и немного рассеяно смотрел на него. Вид больного, но еще сильного странника заставлял его снова вернуться мыслями к цели его пути. Есть ли он, этот выход из лабиринта? А если есть, почему странники стареют и умирают в его стенах? Почему никто из них не выбрался, не построил новый мир из того, что всю жизнь тащит за собой в повозке? И если выход существует, почему этот старик так несчастен, ведь его ношу разберут по частям сотни других странников, и кто-то из них сможет выйти из лабиринта, построить свой первый дом за его стенами. И в этом доме найдется место частице ноши старика. Он сам будет там.

Кан понимал, почему старик несчастен. Он знал, что его ноша так и останется стоять здесь, пока не истлеет или ее не разнесет ветром по лабиринту. Всё, что собирает странник до конца жизни в свою повозку, никому, кроме него, не нужно. Только в детских сказках вещи странников обретают новую жизнь за стенами лабиринта. Кан слишком долго прожил, чтобы понимать, как выглядит правда.

– Останься со мной, – голос старика стал тише, из него почти исчезла насмешка, словно он смеялся над судьбой, приковавшей его к этим кустам и этому повороту лабиринта. – Я хочу поговорить.

Сердце Кана сжалось. Он услышал в словах старика больше, чем тот готов был сказать вслух. Он услышал страх – страх умереть в одиночестве. Но законы странников запрещали провожать в последний путь соплеменников.

Кан отвел глаза, отвернулся. Подошел к ноше и стал бездумно перебирать вещи. Только спустя минуту он понял, что ищет.

– Я скоро умру. Если ты останешься со мной, разобьешь лагерь рядом, – понизив голос добавил старик, – узнаешь, кто мы такие на самом деле. Эту тайну не каждый может осмыслить. Разве что безумцы.

Он хрипло засмеялся, обнажив поредевшие зубы.

– И чем же я заслужил такую честь? – спросил Кан, пока рылся в походной сумке в поисках мази для больных суставов. Он не хотел ему грубить, но слишком вымотался, чтобы выслушивать очередную байку об избранности странников.

– У тебя взгляд человека, слышавшего прощальный крик своей матери.

Кан обернулся, застыл.

Он не сразу сообразил, что пытается сказать странник. А когда понял – внутренне улыбнулся, только вот улыбка получилась грустной. Он никогда не был решительным, смелым, способным преодолеть себя – уйти от матери не глубокой ночью, а на рассвете, зная, что ждет впереди. Где-то глубоко в душе Кан понимал, что всю свою жизнь он трусливо бежит от единственной доступной ему истины – выхода из лабиринта не существует. Он так и будет бродить по нему, пока не сдастся, не выдохнется или не заболеет, как этот старик. Однако Кан никогда не пускал эту мысль в пределы своего сознания, казалось, он даже не догадывался о ней. Может, потому улыбка получилась такой грустной?

– Это мазь из пятнистых грибов, – произнес он после паузы. – Мажь колени и голеностоп, пока полностью не впитается. К ночи станет легче, поспишь.

Кан протянул небольшой кожаный мешочек с мазью.

– Это слишком щедро для такого старого калеки, как я, – гримасу боли разбавила язвительная ухмылка. – Я все равно сегодня сдохну. Забери свою мазь, не переводи добро.

Кан отвернулся, принялся складывать обратно вытасканные из сумки вещи.

– Забери! – прикрикнул на него старик. – Пропадет твоя мазь.

– У меня есть еще, – не оборачиваясь ответил Кан.

– Еще есть, как же, – бурчал старик себе под нос. – Пятнистые грибы ведь на каждом повороте растут, а?

Кан не ответил.

Старик развязал мешочек, поморщился от запаха, окунул в мазь палец и, задрав штанину, стал неуклюже втирать ее в колено. Его глаза то сужались в щелочки от боли, то расширялись от удивления – по суставу расползлся холодок. Кан не стал ждать, когда старик намажет разбухшие, словно разбитые изнутри голеностопные суставы. Он проверил лямки и повернулся уйти.

– Только не вздумай пробовать ее на вкус, – шутливо предостерег он калеку.

Ответом ему был долгий презрительный взгляд.

– Я пошел.

– Иди, иди, – непривычно тихо ответил старик. – Счастливой дороги.

Кан кивнул и бодро, несмотря на усталость, зашагал дальше.

– Странник!

Кан обернулся. Было в лице старика нечто (какая-то неистребимая тень, скрывающая черной фатой последние краски жизни), что говорило – я понимаю, что сегодня умру, но не готов к этому. Кану захотелось остаться, провести со странником его последние часы в лабиринте несмотря на запреты, узнать, наконец, его страшную тайну...

– Спасибо, – старик улыбнулся довольно прищурившись. Боль отступала. Он устраивался удобнее на старых шкурах, готовился вздремнуть.

Кан махнул в ответ, улыбнулся своей печальной улыбкой, и пошел вперед.

– Спасибо, – еле слышно произнес старик, проваливаясь в сон. – Мы с тобой еще увидимся... обязательно увидимся.

Этой ночью Кан проснулся от очередного кошмара, который не мог вспомнить. Его тело покрылось мурашками, волоски на руках снова стояли дыбом. Ему показалось, что он слышал едва различимый гул, до сих пор отдававшийся в костях. В этот момент он понял, что старик только что умер.

Глава 4

Неделю Кан не переставал думать об этом старике. Он шел, направив пустой взгляд в колеи, размышляя, как закончил свою жизнь этот странник. Где-то в глубине души он жалел, что не остался с ним в его последние часы. Он хотел услышать его рассказ, хотел узнать, какие чудеса повидал старик на пути, с какими людьми он встречался. Он хотел, чтобы старик сказал ему, что не жалеет о пройденных километрах, что все сложилось так, как тот и хотел.

Может он и расскажет, только не тебе.

Кан не понимал, почему эта встреча так запала ему в душу, ведь он и раньше видел больных странников, оказавшихся на самом краю.

– *Вот он – твой выход из лабиринта,* – печально подумал Кан. – *Ты ведь так хотел его найти. Помнишь, о чем ты мечтал в детстве? Как выведешь свою мать на бескрайнюю равнину, где всего вдоволь – пищи, воздуха, света. Как построишь свой первый дом. Как приведешь сюда остальных странников...*

Дорога пошла вниз. Ноша теперь катилась легко, временами ударяя Кана в поясницу. Ему пришлось вытянуть стопорный ремень, чтобы замедлить ее ход на особо крутых спусках. Внутри у Кана радостно сжалось. Он предчувствовал то, что увидит через несколько минут.

Лабиринт расширился, образуя полукруглую котловину. Воздух в ней мерцал, слегка искривлялся, словно был наполнен мириадами крохотных и абсолютно прозрачных мошек. Они кружились, стремительно взмывая ввысь, растворяясь в синеве неба. Кан остановился, достал из повозки сшитую много лет назад маску, надел ее. Нижняя часть лица скрылась под бурой двухслойной кожей с мелкими дырочками. Между слоями пролегла легкая ткань.

Кан долго всматривался в стены лабиринта, пока не увидел то, что искал – круглое отверстие, рядом с которым воздух особенно клубился, искривляя пространство. Он медленно подошел, прищурился от едкого газа, достал деревянную пробку и приладил к отверстию. Пробка была слишком большой. Пришлось отойти на пару десятков шагов и обстругать ее под размеры дыры в стене. Затем Кан подошел снова, воткнул пробку и услышал, как *легкий воздух* засвистел в миниатюрном отверстии по центру.

В повозке Кан нашел древний, растрескавшийся шланг с тонким наконечником, вставил его в дырочку в пробке и поднес к повозке. У ноши было двойное дно. Между полом повозки, на который громоздились вещи странника, и ее днищем, был зажат здоровенный желтоватый пузырь. Его еще называли противовесом. Сейчас он обвисло лежал на днище, нисколько не уменьшая вес поклажи.

Кан открыл клапан противовеса – тот протяжно вздохнул – и поднес к нему шипящий шланг. *Легкий воздух* стал быстро заполнять его. Стенки пузыря ожили, пришли в движение. Кряхтя и поскрипывая начали расправляться глубокие складки, противовес упирался в ребра повозки. Когда он наполнился до отказа, Кан выдернул шланг, отсоединил его от пробки и убрал в ношу. Из сумки, лежавшей здесь же, он достал миниатюрный клинышек, идеально подходящий под диаметр дырочки, а затем заткнул ее. Убедившись, что газ не проходит наружу, Кан снял маску. Он делал все это неторопливо, но некая внутренняя сила превращала неспешные движения в танец. На душе у Кана стало свободно, он даже немного повеселел. *Легкого воздуха* ему хватит на пару месяцев. Он порылся в повозке, вытянул со дна грязный, рваный и выцветший обрывок красной ткани, и повязал его на клинышек, чтобы другие странники увидели место выхода газа издалека.

Третий закон странников гласил: *пополняйте запасы воздуха при любой возможности!*

Довольный и ободренный находкой, Кан зашагал дальше. Теперь его ноша скользила по колеям легко, без усилий. Газ, наполнивший противовес, поднимал повозку, делал ее не такой тяжелой.

Выбравшись из котловины, Кан обернулся.

Теперь этот участок лабиринта выглядел совершенно неприметно. Только вдалеке трепетала от ветра выцветшая красная тряпка, словно прощальный взмах руки, долетевший из древности.

Еще через пару дней и три развилки, которые Кан оставил позади, он понял, что скоро снова увидит людей. По лабиринту тянулся непривычный запах, все чаще попадались брошенные вещи, следы сапог или копыт. Впереди поселение оседлых, и довольно крупное.

Оседлые предпочитали всю жизнь находиться на одном месте. Они выбирали особенно крупные перекрестки, а затем селились в стенах, выкапывая там свои жилища. Племена оседлых редко общались друг с другом, просто потому, что никто из них не отваживался на дальние путешествия. А потому они медленно вырождались от многолетнего смешения крови. От вымирания их спасало семя странников. Каждый раз, когда в их селениях появлялся странник, он вносил свою лепту в разнообразие генов оседлых. Для этого, а также для пополнения своих запасов пластика, шкур животных, металла и других вещей, что странники находили в лабиринте, они и селились на перекрестках дорог.

Заслышав вдалеке размеренный гул голосов, стук топоров и мотыг, Кан остановился – за поворотом или чуть дальше он встретит часовых. Он присел на краешек ноши, снял сапог, вытряхнул налетевшую внутрь землю, затем проделал то же самое со вторым сапогом.

– Наконец, выменяешь себе новые сапоги, – устало произнес странник, разглядывая почерневшие от земли ноги.

Кан мысленно окинул вещи, что тащил за собой в ноше, смекая, что он сможет отдать взамен обновок. Мысли его дернулись и остановились, когда забрезжил соблазн получить все даром – надо только остаться достаточно надолго, чтобы одна или несколько женщин племени понесли от него. Этот соблазн Кан отмел почти сразу, не дав подчинить волю, размягчить намерение как можно быстрее покинуть оседлых и вернуться в лабиринт.

Кан надел сапоги, и двинулся дальше. За поворотом действительно показались люди, но то были не часовые.

– Эй, приятель!

Кан поднял голову. Сверху на веревке спускался молодой мужчина с вязанкой длинной зеленой травы за спиной. Ногами он уперся в стену у самой вершины лабиринта, а руками перебирал по тугой плетеной веревке. От этого зрелища внутри что-то оборвалось, а затем подпрыгнуло и встало на место. Вскормленный матерью страх вершины лабиринта пронизывал его до костей.

– Эй! – мужчина улыбался, стараясь не сводить глаз со странника. – Эй, подожди, не уходи!

Кан не ушел.

Мужчина ловко опустился на дно лабиринта, заковылял к нему, забавно переставляя ноги. Когда он оказался рядом, Кан увидел, что правая нога от колена и ниже сделана из дерева. Спина незнакомца изгибалась вбок, а сам он чуть клонился вперед, словно позади набирал вес небольшой горб. Ноги (по крайней мере их здоровые части) были тощими, слабыми, а вот руки и торс – достаточно массивными. На его лице искрилась мелкозубая улыбка, похожая на ухмылку сумасшедшего. Нос, глаза, уши – все было каким-то миниатюрным, а может, они только казались такими на крупной голове.

– Эй, – мужчина махнул, подойдя почти вплотную. – Ты же странник, верно? – он посмотрел на повозку Кана. – Давно вы через наше селение не проходили. Мы уж подумали, вымерли все, ну или, ты знаешь, вышли из этого проклятого лабиринта.

Он коротко усмехнулся, от чего его грудь и плечи подпрыгнули и опали.

– Пойдем со мной, странник, – голос его чуть скрипел, как несмазанные колеса ноши. – Пойдем!

Мужчина уже повернулся, чтобы уйти, и даже сделал несколько шагов, но сразу остановился и посмотрел на Кана. Улыбка его стала напряженной, испуганной.

– Пойдем, – повторил он, – у меня есть еда и женщины. Три жены! Семь Дорог – большое поселение, тебе понравится.

Кан с первого взгляда понял, что этот человек занимает высокое положение в своем поселении. У оседлых была странная традиция, восхвалять уродства, словно это дар божий. И чем больше изъянов один из них получил при рождении, тем более высокое положение он занимал в иерархии. Физически здоровых использовали для спаривания и грязной работы. Их детей забирали, а им самим давали достаточно еды и отправляли обратно на окраину. Многие из них намеренно калечили себя, чтобы выбиться в люди, но все равно оставались людьми второго сорта (не третьего, и на том спасибо).

У этого мужчины проблем с изъянами не было. Скорее всего, раз уж у него три жены и вдоволь пищи, его уродства достались ему по наследству.

– Ну не стой ты, как столб, – забеспокоился мужчина. Он озирался – как-бы соплеменники не заметили и не перехватили странника, ведь он должен осеменить его жен первыми. Считалось, что от странников рождались сильные и выносливые дети, пусть и с уродствами, что доставались от матери. – Идем, тебе у меня понравится!

– Я здесь ненадолго, – сухо ответил Кан, двинувшись с места. Колеса повозки скрипнули и застучали по мелким камешкам. – Мне нужно выменять новые сапоги.

Лицо мужчины помрачнело.

– Зачем менять? У меня сколько хочешь сапог!

Кан невольно глянул на его деревянную ногу.

– Э-э, да ты не беспокойся, найдутся и парные, да еще и твоего размера! Пошли скорее!

– Меня интересует только обмен. Я тороплюсь.

Мужчина ковылял рядом, а потому Кан услышал, что он бурчит какие-то ругательства себе под нос. Его лицо стало совсем темным, но мелкозубая улыбочка все же вскакивала на губах каждый раз, когда он бросал елейные взгляды на Кана.

– Э-э, ну куда тебе торопиться! Погости у нас, не пожалей! Моя третья жена из набрюшниц, ну то есть, с окраины. Взял ее для продолжения рода. Ну ты меня понимаешь, – он похабно подмигнул Кану. – Удовольствие то еще, конечно, но что поделаешь. А тебе она понравится! Вот увидишь!

Каждый раз, попадая к оседлым, Кан чувствовал, будто начинает задыхаться. От их назойливости, безостановочного словоизвержения, повернутости на спаривании и бог знает от чего еще. Все это душило его, стискивало так, как стены даже самого узкого ущелья никогда не смогут сдавить его тело. Но сейчас что-то было иначе. Кану казалось, что он наступил в дерьмо, оставленное на дороге лесным зверем, и этот запах тянется за ним, заставляя то приносить, то задерживать дыхание, чтобы не вдохнуть его глубже.

Кан твердо решил, что, оказавшись в поселении, отделается от нового знакомого, и сразу пойдет на рынок.

Часовые оказались за следующим поворотом. Они сдержанно приветствовали мужчину, назвав его Сербик, и завистливо поглядывали на Кана. В руках у каждого было копье. На руке одного из них не хватало трех пальцев, а лицо другого было обезображено лиловым наростом.

Дальше людей стало больше. Кану сделалось не по себе. Не только от количества прохожих, снующих туда-сюда, бросающих на него любопытные взгляды, тыкающих в него кривыми пальцами, пускающих слюни через отвисшие губы, но и от того, что оседлые сделали с лабиринтом. Из стен торчали десятки лестниц, упоров для переходов между жилищами – их делали

из дерева, добытого наверху, – а сами стены, словно после неизлечимой болезни, истекали слабым дымком из проделанных в них отверстий. Отверстия эти прикрывали грязные, засаленные тряпки, жалко трепещущие на ветру. Хозяйки готовили обеды, а может, согревали воду для стирки или размягчения кожи, добытой охотниками. Уродливые дети весело бегали под ногами, но тут же останавливались, чтобы взглянуть на странника, раззявив рты. Обычные, по меркам Кана, ребяташки, сидели поодаль, шмыгая грязными носами. Отовсюду неслись запахи – непривычные, резкие, неприятные – голоса и гул поселения. У Кана закружилась голова.

Повозку кто-то дернул. Кан резко обернулся – один из уродливых мальчишек пытался стащить блестящую железку. Сербик напустился на него, прогнал, показал кулак – будто помахал наконечником кувалды – и пошел дальше, ведя за собой Кана.

Ноша казалась неповоротливой, громоздкой. Она то и дело цепляла кого-нибудь в толпе, люди вскрикивали, оборачивались, сердито смотрели вслед. Постройки оседлых постепенно переползали на дно лабиринта. Они были приземистыми, криво сколоченными, словно хотели походить на своих хозяев.

Наконец, они дошли до перекрестка, где сходились все семь дорог. Здесь народу было больше всего. Беззубые старухи, молодые, но давно утратившие последние крохи привлекательности, девушки, грязные парни (явно с окраин), все они выложили на грубо связанные веревками, невымытые и почерневшие лавки свои пожитки. У кого-то мухи топтали тушки птиц, у других пылились шкурки животных, у третьих были набросаны какие-то овощи. Но толпа их почти полностью игнорировала. По центру перекрестка, образующего круглую, просторную площадь, на самой видной его части, составили несколько столов вокруг бревна, вертикально вкопанного в землю. К нему, стоя ногами на одном из столов, был привязан истощенный молодой человек. Как не присматривался Кан, но физических изъянов у него найти не мог. Проходившие мимо поселенцы бросали в него огрызки яблок, плевали ему под ноги.

Кан остановился.

Ему было неприятно видеть мучения этого человека, но он понимал, что, вероятно, его привязали к столбу не просто так. Вероятно, он совершил преступление, за которое теперь и расплачивается. Но почему-то, Кану все равно стало его жалко.

– Что он сделал?

– Кто? Этот заморыш, что ли? – Сербик искал кого-то взглядом в толпе, а потому не заметил, куда смотрит странник. – Да почитай, много чего. Задумал неладное против нашей власти.

– Что именно?

Сербик удивленно посмотрел на Кана.

– А тебе не все равно?

Кан ответил ему взглядом, от которого что-то внутри Сербика сдвинулось, некий внутренний противовес. Он отвел глаза.

– Решил, видишь ли, что не нравится ему жить на окраине, что хочет он перебраться поближе к нашему брату. Тут его мыслелов и застукал.

– Кто?

– Да юродивый, которого наш главный при себе держит, – Сербик опасливо огляделся и заговорил тише. – Если ты чего не то думаешь, он это услышит, и тебя к столбу ставят. А там уж как пойдет. Может и простят, а может, как этого, казнят.

– Он что, просто подумал о ком-то плохо? – внутри у Кана стало пусто, прохладно, словно в доме, в котором много лет никто не жил. – Ничего не украл. Никого не убил. Его судят за мысли?

– Э-э, зря ты так! – запетушился Сербик. – Такие мысли опаснее всего! Вот посуди сам, если бы каждый урод с окраин начал так думать, через недельку-другую ему бы надоело свои думы обмусоливать, и он принялся действовать бы. А что тогда? Вот именно – они бы все к

нам поперлись, и тогда бы совсем житья не стало. У этих отбросов свое место, вот пусть там и сидят. А начнут думать – к столбу их! – весело закончил он.

Простая, как заячье дерьмо, житейская философия Сербика была в его глазах непробиваемой.

– Если бы не мыслелов, нас бы уж давно здесь не было – все бы повымерли. Он шибко умный, пусть и юродивый. Наш главный держится за него, будто тот из золота сделан. Да и вообще, никакого суда, дело задохлика давно решенное. Не жилец он. Пойдем, нечего тут стоять, а то вон, народ уже смотрит.

Народ действительно смотрел во все глаза, правда, Кан перестал замечать их взгляды. Его притягивал, точно магнит, паренек, привязанный к столбу. Сложно было поверить, что за этим обреченным, испуганным лицом прячутся бунтарские мысли. Может, он просто хотел жизнь получше?

Кан не замечал не только взгляды толпы, но и один особенно внимательный взгляд. Два больших изумрудных глаза не отрываясь смотрели на него. Вдалеке, у стены лабиринта, на коленях жирного мужика с заячьей губой, сидела юная девушка. Она была красива, стройна. Хотя, может это на фоне жирдяя ее красота расцветала. Мужик рассеянно поглаживал ее по голове, будто домашнего зверька. Девушка до этого момента слегка кривилась при каждом прикосновении, а тут точно оцепенела. Жирдяй почувствовал это. Он сгреб ее одной рукой за волосы, дернул, что-то прорычал ей в лицо, брызгая слюной, а затем отпустил. Прежняя покорность вернулась к девушке. Она снова стала податливой, теплой, но старалась не терять странника из виду.

Глава 5

– Эй, странник, иди сюда!

Кан повернулся на голос, почувствовал, как напрягся и засуетился Сербик. В стороне, у покосившегося сарая сидела компания выпивох. Они лакали мутную жижу из глиняных кружек. Окликнувший Кана был поуродливее Сербика, а значит, занимал более высокое положение.

– Иди-иди, – басовито добавил незнакомец, окинув Кана хмельным взглядом, – мы тебя угостим, пока не началась потеха.

Мужик махнул искалеченной, странно удлиненной рукой на паренька, привязанного к столбу.

– Отвали, Гурт, – ощерился Сербик. – Я первым его встретил!

– Эй, Сербик, иди-ка ты хромой козе хрен пинай!

Толпа вокруг Гурта расхохоталась.

– Зря ты так, Гурт, – мелкозубо ухмыльнулся Сербик. Глаза его сыпали искры. – Пожалеешь, ой пожалеешь, пьяная рожа.

– Иди-иди, Сербик, не сотрясай воздух, – Гурт перевел хмельной взгляд на Кана. Вид его стал покровительственным, важным. – Ну, чего стоишь? Айда к нам! Ох, сейчас потеха начнется!

Кан не сдвинулся с места. Его внимание снова привлек паренек у столба. Сербик куда-то незаметно исчез.

Толпа гудела, нарастала, обступала повозку Кана. Каждый хотел потрогать невиданные вещицы, торчащие из ноши, а может, и умыкнуть одну. Однако Кан лишь изредка проверял, чтобы ничего не стащили. Гомон у сарая, где выпивал Гурт с друзьями, усилился. Боковым зрением Кан заметил, как Гурт соскочил со скамьи и... стал ниже. У него не было обеих ног. Передвигался Гурт на маленькой тележке. Когда он подъехал, Кан услышал его басовитое покашливание.

– Эй, странник, будь добр, не отворачивайся, когда тебе предлагает выпить староста, понял?

Кан искоса посмотрел на Гурта, оценил обстановку, и отвернулся. Гурт начинал закипать. Давно его так не оскорбляли, особенно какой-то вшивый странник.

В другое время Кан постарался бы сгладить свою грубость, ведь ему нужны были новые сапоги, сушеные грибы, пара ножей и свежее дерево. Но сегодня он был сам не свой. У Кана из головы не шел «мысленный преступник». Он все смотрел на него, время от времени отвлекаясь на кипящую неприязню толпу. Как он посмел, этот недоносок с окраины покушаться на спокойную жизнь людей высшего сорта?! Надо научить его, чтобы другие боялись даже мысль допустить! Да, надо проучить, наказать, запретить!!!

У Кана внутри разрасталось нечто, чего он раньше не чувствовал. Словно то был пузырь для *легкого воздуха*, который ни разу не использовали. Кан впервые столкнулся с настолько вопиющей несправедливостью. Но для кого это несправедливость? Для него? Оседлые были уверены, что парнишка получает по заслугам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.